

УДК 316.34-054.72

ОЛЬГА РОВЕНЧАК,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко, Львов

ОКСАНА ХИМОВИЧ,

кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко, Львов

Идентичность потенциального мигранта и миграционная идентичность: формирование и соответствующие практики

Аннотация

Статья посвящена освещению вопросов формирования идентичности потенциального мигранта и миграционной идентичности. Указанные виды идентичности рассматриваются как элементы социокультурной идентичности человека, (потенциально) вовлеченного в миграционные процессы. Авторы исследуют, как на формирование идентичности потенциального мигранта влияют ценности, ценностные ориентации, связанные с пребыванием (кратким или длительным) в других странах, и установки на миграцию. Данная идентичность может воплощаться в действиях и практиках, связанных с миграцией. Миграционная идентичность, в свою очередь, базируется также на действиях и практиках, которые указывают на вовлеченность в миграционный процесс и возникают вследствие миграции. Свое воплощение этот вид идентичности получает, в частности, в таких действиях и практиках, как взаимные визиты и общение с родственниками/друзьями из страны происхождения, денежные и т.п. передачи в эту страну, общение с другими мигрантами, членство в мигрантских организациях в стране назначения. То есть идентичность в целом рассматривается в ее двусторонней связи с действиями и практиками.

© О.Ровенчак, 2018

© О.Химович, 2018

В статье использованы результаты количественного исследования, проведенного социологической группой Рейтинг в сентябре 2017 года, а также осуществлен анализ качественных социологических исследований, проведенных в 2008–2016 годах при участии авторов.

Ключевые слова: мигрант, идентичность, ценности, установки, практики

ОЛЬГА РОВЕНЧАК,

кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології історичного факультету Львівського національного університету імені Івана Франка, Львів

ОКСАНА ХИМОВИЧ,

кандидат соціологічних наук, асистент кафедри соціології історичного факультету Львівського національного університету імені Івана Франка, Львів

Ідентичність потенційного мігранта та міграційна ідентичність: формування і відповідні практики

Анотація

Статтю присвячено висвітленню питань формування ідентичності потенційного мігранта та міграційної ідентичності. Зазначені види ідентичності розглядаються як елементи соціокультурної ідентичності людини, (потенційно) залученої в міграційні процеси. Автори досліджують, як на формування ідентичності потенційного мігранта впливають цінності, ціннісні орієнтації, пов'язані із перебуванням (коротко- чи довготривалим) в інших країнах, та установки на міграцію. Така ідентичність може втілюватися у діях та практиках, пов'язаних з міграцією.

Міграційна ідентичність, своєю чергою, базується також на діях і практиках, що вказують на залученість до міграційного процесу і виникають внаслідок міграції. Свого втілення цей вид ідентичності дістає, зокрема, в таких діях та практиках, як взаємні візити та спілкування із родичами/друзями із країни походження, передання грошей/передач до цієї країни, спілкування з іншими мігрантами, членство в мігрантських організаціях у країні призначення. Отже, ідентичність загалом розглядається в її двобічному зв'язку із діями та практиками.

У статті використано результати кількісного дослідження, проведеного соціологічною групою Рейтинг у вересні 2017 року, а також здійснено аналіз якісних соціологічних досліджень, проведених у 2008–2016 роках за участі авторів.

Ключові слова: мигрант, ідентичність, цінності, установки, практики

OLHA ROVENCHAK,

Candidate of Science in Sociology, Senior Lecturer of the Sociology Department of the History Faculty at the Ivan Franko National University of L'viv, L'viv

OKSANA KHYMOVYCH,

Candidate of Science in Sociology, Assistant Lecturer of the Sociology Department of the History Faculty at the Ivan Franko National University of L'viv, L'viv

Identity of a potential migrant and migratory identity: formation and corresponding practices

Abstract

The article is devoted to the issues of formation of the identity of a potential migrant and migratory identity. These types of identity are regarded as elements of socio-cultural identity of a person (potentially) involved in migration processes. The authors are investigating how the identity of a potential migrant is influenced by the values, value orientations associated with staying (short-term or long-term) in other countries and emigration attitudes. This identity can be embodied in the actions and practices associated with migration.

Migration identity, in turn, is based on actions and practices that indicate involvement in the migration process and arise from migration; besides, it is also based on values, value orientations and migration attitudes as well as the identity of a potential migrant. This type of identity is embodied, in particular, in actions and practices such as mutual visits and communication with relatives/friends from the country of origin, the transfer of money/goods to the country of origin, communication with other migrants, membership of migrant organisations in the destination country. Consequently, identity is generally considered in its two-way connection with actions and practices.

The authors analyse the results of a quantitative survey conducted in September 2017, as well as the results of qualitative research studies conducted in the period from 2008 to 2016 with the participation of authors.

Keywords: *migrant, identity, values, attitudes, practices*

В последние годы миграция стала одним из важных вызовов для всего мира и Украины в частности. Современные миграционные процессы вносят определенные коррективы во взаимодействие и функционирование общества, в частности влияют на формирование ценностей и установок, а значит, на действия и практики мигранта или потенциального мигранта. Украинская миграция сегодня предьявляет исследователям новые проблемы, связанные с формированием идентичности. Вопрос идентичности и идентификации актуализируется посредством глобального переосмысления ценностей и мировоззренческих ориентаций людей, в ходе постоянных реформ, а также непрерывных трансформаций жизненного уклада. Не случайно в научном и социологическом дискурсе особое внимание исследователей привлекают такие категории, как миграция, ценности, установки и идентичность. Вот почему данная тема весьма актуальна и требует детального изучения. Основной целью нашей работы является исследование ценностей, ценностных ориентаций, установок и практик как факторов формирования идентичности потенциального мигранта и миграционной идентичности.

Миграция как один из путей активного приспособления к новым обстоятельствам жизни в обществе, в том числе один из способов решения проблемы потери работы или средств улучшения материального положения, приводит к модификации структурных связей людей, девальвируя или модифицируя прежние ценностные ориентации и создавая новые. Именно интериоризированные личностью ценности, как считает А.Ручка, являются источником устойчивости и центром, вокруг которого формируются идентичности [Ручка, 2002: с. 181]. Ценностные ориентации как устойчивые, не ситуативные образования, “квинтэссенция” индивидуального и социального, внутреннего и внешнего отражают соотношение разных ценностей, установок, мотивов, моделей поведения человека, подтвержденных или не подтвержденных в социальных практиках, их возможную динамику и факторы, которые к этому привели.

Ценности нельзя свести ни к какой-либо из природных категорий, ни к сугубо психическому индивидуальному явлению. Хотя ценности предстают как нечто объективное по отношению к индивидам и образуют предмет их установок в качестве явлений индивидуального сознания членов социальной группы, нельзя говорить об абсолютно объективном существовании ценностей по отношению к индивидам. Культурные явления не могут существовать абсолютно независимо от действующих субъектов. Связью между установкой и ценностью является социальное действие. У.Томас и Ф.Знанецкий различают ценности-нормы (для характеристики социальной организации, группы) и ценности-установки (для характеристики индивида). Ценности-нормы выступают предметами установок именно как нормы поведения и не только вызывают, но и выражают определенные установки социальной группы [Ручка, 1987: с. 112]. Ценности-установки рассматриваются как субъ-

ективная ориентация членов группы в отношении ценностей [Ручка, 1976: с. 75]. То есть в этом смысле ценность рассматривается как элемент ориентации личности. Таким образом, интерес У.Томаса и Ф.Знанецкого концентрируется на отнесенности ценностей к сфере нормативного и выяснении роли социальных норм в определенной социальной группе.

Что касается ценностных ориентаций, то обычно исследователи соглашались с тем, что это сложное образование в структуре сознания и самосознания индивида, отражающее характеристики человека как личности и при этом достаточно устойчивое. Ценностными ориентациями можно считать относительно устойчивое, социально обусловленное, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ, идеалов, рассматриваемых как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности человека [Носенко, Фролова, 2003: с. 15]. Ценностные ориентации характеризуют направленность и социальную активность личности, а также служат регулятивом ее социального поведения [Ручка, 1976: с. 31].

По мнению А.Здравомыслова, А.Шаева и В.Ядова, ценностные ориентации являются установкой личности на ценности материальной и духовной культуры. Тогда, как утверждает Г.Головных, если под ценностными ориентациями понимать установки, то вряд ли можно говорить об исследовании качественно нового явления, скорее — о расширении понятия “установка” с введением в него ценностного содержания [Носенко, Фролова, 2003: с. 15].

В социологии проблематику установок активно разрабатывали, в частности, В.Ядов и его школа. Они разработали концепцию “диспозиционной регуляции социального поведения личности”, основанную на том, что человек наделен сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. “Эти диспозиции организованы иерархично, то есть имеют низшие и высшие уровни, которые зависят от одновременного наличия определенного уровня потребности и определенного уровня ситуации, что может удовлетворить эту потребность” [Сусак, 2007: с. 139].

Впервые термин “установка” ввел в оборот Л.Ланге в смысле психологического состояния склонности субъекта к определенной активности в определенной ситуации. Термин “социальная установка” начали использовать в социологии в 1918 году У.Томас и Ф.Знанецкий, которые определяли ее как психологический процесс, взятый в контексте социального мира и прежде всего в связи с социальными ценностями”, тогда как в ценности усматривали “объективную сторону установки”. То есть установка — это “индивидуальная (субъективная) сторона социальной ценности” [Шихирев, 2003: с. 364–376]. Поведение личности в обществе оценивалось авторами под углом зрения “социальной ситуации”, включающей социальные нормы и ценности, социальную установку индивида и свойственное ему определение ситуации. Определение ситуации со стороны индивида на основе его собственных установок или групповых норм дает основания говорить о мере его приспособленности к социальному окружению, конформности. При этом следует согласиться с мнением Д.Узнадзе, что сама теория социальной установки возникла как попытка понять активность психического, проблемы его развития и взаимодействия с окружающим миром [Узнадзе, 1960: с. 150].

Под установкой также понимают целостное состояние личности, продуцируемое на основании опыта готовности, устойчивого реагирования на предвосхищение определенных объектов или ситуаций, как проявление целенаправленности, избирательной активности, нацеленной на удовлетворение потребности в соответствующей ситуации [Психологія особистості, 2001: с. 140]. Иначе говоря, это такое психическое состояние личности, которое определяет ее готовность действовать в определенной ситуации соответствующим образом и обуславливает особенности ее поведения.

Одно из наиболее полных и общих определений социальной установки предложил современный американский социолог Г. Саммерс, который понимает социальную установку как устойчивую систему взглядов и представлений, которая настраивает индивида на определенные действия и может выражаться в отрerefлексированных суждениях (подр. см.: [Матюхін, 2017: с. 16]). М. Колоколова добавляет, что такая система взглядов и представлений формируется под влиянием социальных ценностей, доминирующих в обществе или определенной социальной группе, к которой принадлежит индивид, на чем ставили ударение У. Томас и Ф. Знанецкий [Колоколова, 2014: с. 59–60].

Описывая связь ценностей и ценностных ориентаций с идентичностями, нужно отметить, что, приобретая идентичность, то есть идентифицируя себя с определенным сообществом, человек принимает его ценности, нормы, интересы, а устойчивость такой идентичности проявляется в преданности этим ценностям и соблюдении соответствующих ценностных ориентаций. Именно вокруг ценностей и ценностных ориентаций и формируются идентичности [Носенко, Фролова, 2003: с. 17; Соціокультурні ідентичності, 2002: с. 181].

Вопрос идентичностей актуализируется в нынешнем глобализированном мире прежде всего в силу все большей их нестабильности; представителями таких нестабильных идентичностей мы считаем в первую очередь международных мигрантов, которым приходится проходить процесс социокультурной адаптации, вследствие чего их идентичности подвергаются определенным изменениям. В этой статье понятие идентичности связано с понятиями ценностей, ценностных ориентаций, установок, социального действия и практики. Отметим, что вопрос идентичности при этом мы рассматриваем и не сам по себе, и не применительно к широкому кругу индивидов, а в тесной связи с миграционными процессами. Речь идет об идентичности прежде всего мигрантов и, в меньшей мере, других лиц, которые не имеют непосредственного миграционного опыта, однако опосредованно причастны к процессам международной миграции.

Кроме того, в статье будут рассмотрены понятия действия и практики в контексте их связи с идентичностями. Если структурная парадигма в исследовании социального действия сосредоточена на условиях (внешнее, объективно заданное) и определяет действие как продукт внешних структур, то интерпретативная — на субъекте действия с его ценностями и субъективными смыслами. Одной из попыток, направленных на преодоление ограничений этих парадигм, является теория структуры Э. Гидденса. Обращаясь к такой характеристике структуры, как дуальность (взаимодополняемость), в отличие от дуализма (противопоставления), ученый снимает дилемму структуры и действия. Первая выступает и средством (предпосылкой), и ре-

зультатом действий, организованных ею (структурой) [Гидденс, 2003: с. 43–45]. Мы здесь склоняемся к подходу Э.Гидденса, поскольку считаем, что в социальном действии одинаково важны как сам действующий субъект с его мотивами и целями, так и условия, в которых он действует, изменяя окружающую ситуацию и создавая новые условия действия. Понятие деятельности шире, чем понятие “действие”, и может быть определено как совокупность действий. А поведение здесь — это не просто совокупность, а последовательность действий, имеющих общую логику и смысл.

Еще одной категорией является практика. По мнению П.Бурдьё, практика является скорее неосознанным, чем осознанным поведением индивида, подчиняясь определенным правилам, интернализированным из внешней среды в процессе активного взаимодействия с ней. У Бурдьё практика не опирается ни на сознательный расчет разума, ни на влияние внешних по отношению к актору механизмов. Теории рационального действия, по мнению французского ученого, не учитывают того, что в реальности субъекту не остается времени на осмысление своих действий, и насущность решений является одной из главных характеристик практик. Кроме того, осмысление предполагает определенную отстраненную позицию относительно самого себя, а как только деятель “становится теоретиком”, его практика перестает быть практикой по своей сути [Громов и др., 1997: с. 334; Отрешко, 2004: с. 196–200].

Э.Гидденс утверждает, что социальные практики на аналитическом уровне первичны по отношению к общественным системам. Большая часть жизнедеятельности людей состоит из обычных действий, рутинный характер которых дает основания говорить о практической природе социальных структур, а социальная жизнь является сплетением повседневных практик [Фурс, 2001: с. 3; Бабенко, 2002: с. 61]. И первое, и второе объяснение практики переключаются с наиболее консервативным ее пониманием, идущим от Д.Юма, а именно — как мышления или действия “по привычке” [Волков, 1997: с. 10].

Т.Заславская и М.Шабанова говорят о практике как о постоянной совокупности социальных действий (взаимодействий) [Заславская, Шабанова, 2002: с. 2–5]. Мы готовы принять это определение, а также частично не согласиться с определениями П.Бурдьё, Э.Гидденса и Д.Юма в той части, где речь идет о “рутинном” и “неосознанном” характере практики, поскольку считаем, что социальной практикой можно назвать и осознанное, не обязательно рутинное социальное действие (в широком понимании, а не так называемый единичный акт), которое периодически повторяется. Практику мы позиционируем на том же уровне, что и деятельность, но отличаем от последней (которая также является совокупностью социальных действий) собственно в силу ее “устойчивого характера”.

Идентичность с ее структурой мы рассматриваем как определенным образом обусловленную предыдущими действиями и практиками и влияющую на дальнейшие. В этой статье мы в основном опираемся на идеи М.Хайдеггера о раскрывающем характере практик в отношении идентичностей. Эти идентичности получают отражение в практиках (влияют на практики или базируются на них), что во многом зависит от культуры общества (подробнее см.: [Волков, 1997]).

Идентичность рассматривается как определение человеком, кем он является, и сравнение себя с другими, что всегда связано со сходством (sameness) и отличием (difference). В рамках социокультурного подхода И.Семе-

ненко рассматривает социокультурную идентичность как совокупность представлений о себе и своем положении в обществе, а также связанных с этими представлениями ощущений, оценок и намерений, формирующихся на основе отождествления себя с определенными культурными моделями и ролевыми функциями, с социальными институтами и отношениями; это понятие синтезирует культурные модели и их проекцию на социальные отношения [Семененко, 2003: с. 9].

Не ставя своей целью детально описывать способы изучения этого феномена в разных научных парадигмах и подходах, укажем, что мы рассматриваем идентичность преимущественно как социокультурное, внутриличностное образование, базирующееся на определенных ценностях — стержнях культуры, роль которой в современном мире постоянно возрастает (см.: [Черниш, Ровенчак, 2007]). В широком понимании мы определяем **идентичность** как *внутреннее ощущение принадлежности к конкретному социокультурному сообществу определенного вида, в основном признанное другими представителями этого сообщества, укорененное в сходстве с ними и одновременном отличии от представителей иного социокультурного сообщества такого же вида*. В современном мире человек пребывает в состоянии постоянного поиска некоего набора идентичностей и его изменения, когда тот перестает ему соответствовать. Такую современную модель конструирования идентичности П.Томпсон называет “экспериментом с разнообразием” (“repetition with a difference”) [Thompson, 1994]. В контексте миграции как проявления глобализации о таких новых идентичностях С.Холл говорит, что они более не являются укорененными, а зависят от того, к чему мы стремимся и куда движемся [Hall, 1996: p. 4–5]. Однако мы считаем, что даже тогда, когда структура идентичности находится в движении, ее можно на некоторое время зафиксировать в определенном состоянии, когда она не обязательно будет определенной и однозначной.

В структуре идентичности по продолжительности и механизму формирования различают идентичности ситуативные (социальные, политические), примордиальные (расовые, гендерные) и традиционные, долгосрочные (этнические, религиозные). В первом случае превалируют сознательные, рациональные факторы, во втором — естественные, а в третьем — сила исторической инерции. По нашему мнению, одним из наименее изученных видов идентичности является *небазовая* (то есть не являющаяся элементом социокультурной идентичности, присущим большинству людей) **миграционная идентичность** — результат идентификации не с обществом эмиграции или иммиграции, а с мигрантами в целом, то есть с определенным воображаемым или реальным сообществом мигрантов. Примером таких сообществ могут быть иммигрантские союзы и организации по защите определенных интересов и самопомощи; специальные сети сотрудничества; культурные ассоциации; спортивные и развлекательные клубы, которые могут влиять на выбор друзей или партнеров и на формирование идентичностей иных видов [Huntington, 2004: p. 13–15; Sackmann, 2003: p. 2–4]. Здесь речь идет как об идентификации с такими же иммигрантами из Украины в стране иммиграции, так и об отождествлении себя с иммигрантами из других стран в стране иммиграции и, очень редко, с мигрантами во всем мире в целом. Понятие “миграционная идентичность” в указанном аспекте мы отличаем от понятия “идентичность мигрантов” — последнее является гораздо более широким по-

нятием и отражает интегральную социокультурную идентичность представителей этой группы, содержащую такие базовые структурные элементы, как этническая, политическая, классовая, гендерная идентичность.

Несколько иное содержание имеет **“идентичность потенциального мигранта”**, а именно внутреннее ощущение принадлежности к сообществу мигрантов или людей, нацеленных на миграцию, которое основывается на ценности смены места проживания, ценностных ориентациях поиска полноты бытия путем миграции, установках на миграцию. Наиболее очевидным действием, вытекающим из этой идентичности, является собственно миграция — выезд за границу. Практики же могут быть связаны, к примеру, с повторяющимся сбором и оформлением документов, необходимых для разрешения на въезд, а также с систематическим поиском возможностей трудоустройства, учебы, создания семьи за границей.

Согласно результатам исследования, проведенного в сентябре 2017 года группой “Рейтинг”, 33% опрошенных украинцев уже интересовались возможностями трудоустройства за границей. Больше всего заинтересованных на Западе (41%), среди лиц с высшим образованием, молодежи, работников частных предприятий, самозанятых и обеспеченных [Динаміка міграційних настроїв, 2017].

Мы уже упоминали о связи действия, идентичности, практики и ценностей, однако здесь следует резюмировать, что идентичность, базирующаяся на ценностях, ценностных ориентациях и установках, организует и объясняет действия и практики. То есть практику можно рассматривать как повторяющееся действие. Но практики могут быть и формирующими идентичности. Такая двусторонняя связь идентичности с практикой позволяет говорить о “раскрывающем” характере практик в отношении идентичностей.

Особенно важна связь идентичностей с практиками при рассмотрении идентичности (или ее определенных элементов) как продукта (ре)конструкции. Именно такой подход (в противовес эссенциализму) весьма распространен в современном мире (см., напр.: [Бауман, 2005; Гірц, 2001]), в изучении идентичностей, которые, по мнению Р.Дж.Лифтона [Lifton, 1999], априори не могут быть стабильными. Исходя из нашего определения, идентичность того или иного вида содержит: (1) внутреннее ощущение принадлежности к определенному социокультурному сообществу, которое является (2) преимущественно признанным (2.1) другими членами сообщества и (2.2) членами других сообществ и коренится в одновременном (3) сходстве с одними и (4) отличии от других. Частичная реконструкция идентичности через идентификационные практики может происходить, например, таким путем: индивид осваивает определенные практики или осуществляет определенные действия, которые отличают его от одних (4) и уподобляют другим (3); на основании этих практик другие члены сообщества признают сходство этого индивида с собой (2.1), члены других сообществ признают отличие этого же индивида от “своих” (2.2); на почве присущих ему практик и рефлексии в плане отношений (признание / непризнание) других у индивида возникает чувство принадлежности к этому социокультурному сообществу соответствующего вида.

Объяснить схему взаимосвязи действия, идентичности и практики можно на примере международных мигрантов. Мигрантом (по определению) человек становится, пересекая административно-территориальную границу;

при этом он выполняет (социальное) действие — собственно действие, а не практику, поскольку это действие пока не является повторяющимся и не имеет устойчивого характера, а иногда оно вообще может оказаться единственным в биографии данного мигранта. Граница одновременно становится местом, где ценности и ценностные ориентации ведут к возникновению миграционной идентичности вследствие упомянутого действия. Определяя себя как мигранта, человек и вести себя будет соответственно: действия будут становиться повторяющимися и будут приобретать постоянный характер, а на основании миграционной идентичности будут создаваться “мигрантские” (или “миграционные”) практики (например, перевод денег родным, тесное общение с земляками за пределами родной страны и т.п.).

Несколько иначе выглядит обратная связь “идентичность — действие”. *Идентичность потенциального мигранта* может спровоцировать действие — собственно, миграцию с ее последствиями: возникновением ценностей мигранта, миграционной идентичности, соответствующих практик как процесса.

Исследование, проведенное Социологической группой “Рейтинг” 8–18 сентября 2017 года по заказу Всеукраинской ассоциации компаний по международному трудоустройству среди жителей Украины (выборка репрезентативна по возрасту, полу, регионам и типу поселения, выборочная совокупность: 1200 респондентов, погрешность не более 2,8%) показало, что довольно много украинцев имеют установки на постоянную эмиграцию из Украины, трудовую и образовательную эмиграцию. Однако 65% опрошенных сказали, что однозначно или вероятнее всего вернулись бы в Украину, если бы имели постоянную работу за границей, 23% — что не вернулись бы, еще 12% не ответили на этот вопрос. Меньше всего тех, кто заявил, что не намерен возвращаться в Украину, среди жителей Запада (17%), больше всего — среди жителей Востока и Юга (по 27%). В Центре таких 23%. Интересен для нас тот момент, что 70% опрошенных сказали, что хотели бы, чтобы их дети или внуки учились за границей, и только 20% придерживаются противоположного мнения. На Западе, в Центре и на Юге таких респондентов свыше 70%, на Востоке — 59%. Следует констатировать, что чем младше респонденты, чем выше их уровень образования и чем более обеспеченными они являются, тем больше среди них тех, кто хотел бы, чтобы их дети или внуки учились за границей.

Две трети опрошенных заявили, что не хотели бы иметь двойного гражданства, почти вдвое меньше (35%) сказали, что хотели бы иметь второй паспорт. Чаще всего такое желание высказывали на Юге, молодежь, а также трудоустроенные и материально обеспеченные респонденты. Среди стран, гражданство которых хотели бы иметь респонденты, стремящиеся к этому, 42% выбирали страны ЕС. 18% хотели бы иметь гражданство США, 15% — Канады, 12% — России. Гражданство стран ЕС хотели бы иметь в равной мере жители западных, центральных и южных макрорегионов (около 40%), чуть меньше — восточных (31%). Гражданство США больше других хотели бы иметь жители Запада, гражданство России — жители Востока [Динаміка міграційних настроїв, 2017]. К ценностным ориентациям потенциального мигранта можем отнести “выталкивающие” и “притягивающие” факторы миграции украинцев, посредством которых формируются собственно установки на эмиграцию из Украины. Согласно данным исследования группы “Рейтинг”, главными мотивами в желании работать за границей опрошен-

ные называли более высокий уровень оплаты труда в других странах (72%), отмечают также лучшие условия труда, желание заработать на жилье (обучение детей, лечение родных и т.п.), профессиональную самореализацию, более высокое качество социальной защиты — эти причины желания найти работу за границей называли от 16% до 20% опрошенных. По 7% приходится на тех, кто в качестве причины указал возможность открыть собственное дело и желание получить опыт работы в международных компаниях. Что касается возрастного распределения, то здесь молодежь больше других руководствуется желаниями реализации в качестве специалиста и получения опыта в международных компаниях, тогда как старшая возрастная группа делает ударение на более высоком уровне социальной защиты за рубежом [Динаміка міграційних настроїв, 2017].

Ряд исследований, проведенных в течение 2008–2016 годов при участии авторов [Ровенчак, Володько, 2015; Ровенчак, 2016; Ровенчак, Володько, 2017; Химович, 2013; Химович, 2014] для изучения миграционных практик украинцев, указывают на то, что *миграционная идентичность* украинцев проявляется в таких практиках, как визиты в Украину, дистанционное общение с теми, кто остался на родине, передача денег домой (поскольку миграция имеет в основном экономический характер), общение с другими украинскими иммигрантами в рамках неформальных, полупоформальных или же, изредка, официальных иммигрантских сообществ, а также контакты с иммигрантами из иных стран в стране иммиграции. Выделим несколько видов таких типичных **практик**, в большей или меньшей мере присущих украинским мигрантам.

Взаимные визиты и общение с родственниками/друзьями из Украины. Взаимные визиты происходят довольно часто, но чаще мигранты посещают своих родных/друзей в Украине. Это объясняется лучшим финансовым обеспечением этих мигрантов и тем, что они, как правило, имеют легальный статус и могут легко пересекать границу. Вполне логично, что украинцы, проживающие на территориях, географически близких к Украине государств, посещают ее чаще, чем те, кто проживает в более отдаленных странах и посещает родину в среднем раз в год или вообще не посещает в силу определенных обстоятельств: “Додому я не їздила ... бо в мене не було документів, аби приїхати додому ...” (Александра, 56 л., Греция); “Ну, як коли, приблизно раз на два, три роки ... Ну, від одного до трьох тижнів. Ну, один тиждень — це явно замало” [Олег, 57 л., США]; “Я так не намагаюся дуже довго сидіти. Буквально чотири місяці, то найдовше, і їду додому. ... Якщо є підміна, то за місяць вертаюся” (Зоряна, 36 л., Польша); “Ну, чотири, п’ять, шість разів на рік. По крайній мірі всі свята і тоді, коли просто робилось скучно” (Александра, 59 л., Польша); “Додому я їздив кожні три місяці, бо тоді немає проблем на кордоні. Коли був у Польщі чи Чехії, то так само їздив кожні три місяці. Та й за той час встигав скучити. Так на кордоні жодного разу не було проблем з таким графіком поїздок” (Степан, 53 г., Россия, Польша, Чехия).

Также достаточно интенсивным является общение через “Skype”, “Facebook” и электронную почту с родственниками и друзьями: “Два рази в неділю [на тиждень], принаймні два рази в неділю, деякий час навіть три рази в неділю ми телефонуємо по скайпу і я намагаюся раз в півроку з їздити додому на 2–3 неділі [тижні]” (Ліда, 28 л., Германия); “В мене є багато хороших друзів в Україні і дуже тісно спілкуємось... є групи для переписок в фейсбуці, в

інших соціальних сервісах, що можна з телефону спілкуватись, розмови по скайпу. Також друзі приїжджали...” (Сергей, 28 л., Германия); “... можна сказати, що я конкретно кожні два тижні... дзвоню лише я, бо, ну, їм [бабусям] платити за міжнародні розмови, ну, не те що це дуже дорого, але це зайві витрати для пенсіонерів. А я дзвоню зі скайпу, і мені це не так дорого” (Олег, 29 л., США); “Телефон, та якщо, скажімо, хтось не бере скайп, ми дзвонимо на телефон, то без проблем. І друзі по скайпу і ще вотс-ап є, з колежанками, а то вотс-ап, імейл... ну, будь-який засіб. З батьками — скайп в основному” (Христина, 33 г., США); “Дякувати інтернету, ... тепер є змога частіше спілкуватися із сином та матір’ю, плюс ... тепер ще й найдешевший зв’язок. Оплатила мобільний інтернет — і все, говори на здоров’я. Також маю багато друзів в Україні, ... то є добра можливість поспілкуватися та дізнатися новини. Також по телефону часто дзвоню до мами, бо на початках ніяк не могла привчитися її користуватися комп’ютером” (Ирина, 42 г., Италия).

Перевод денег/передачи в Украину. Такая деятельность в целом более характерна для классической миграции низкоквалифицированных работников, для которых главной причиной выезда в другую страну являются заработки с тем, чтобы передать их в Украину: “Ну, звичайно, а для чого ж я туди поїхала?” (Мария, 39 л., Польша); “...передавала, деколи бусом передавала там продукти, одяг, хімію, ну й пару євриків клала, деколи банком, но то дорого, там високі ставки, но як треба було малим срочно, то передавала, но в більшості, кожен місяць хтось із наших [інших мігрантів] їде додому, то ними й передавала” (Марта, 41 г., Италия). Для представителей интеллектуальной миграции, например в Германии или США, это почти не свойственно: “Ні, ... не передаю, то є без сенсу... Я як приїжджаю, то щось можу привезти, якісь подарунки, чи там щось треба до хати” (Святослав, 41 г., Польша, Германия, Великобритания).

Процент заработной платы, переданный в Украину, зависит от страны иммиграции, типа занятости респондента, экономической ситуации семьи в Украине. Так, трудовые мигранты, нацеленные главным образом на денежные переводы в Украину, отправляют более половины, а то и более 90% своих доходов: “...на необхідність собі лишаю, на проїзд до церкви чи щось там собі купити ... вони дасиш їм сто — розійдеться сто, дасиш їм вісімсот — розійдеться вісімсот. ... я так, як вже банкомат — натиснув і вилізає” (Ирина, 44 г., Польша); “... я плачу податок, квартиру, карта міська, ну щось там ... Я думаю, що відсотків так 70 я віддаю додому” (Наталья, 34 г., Польша). Кроме того, суммы и процент переданных денег зависят от экономических потребностей родных в Украине. Некоторые респонденты отмечают, что не передают конкретной суммы, а только целевым образом, на определенные потребности: “Я помагаю своїм друзям, своїм родичам ... залежить від випадку. Наприклад, своїй однокласниці я позичив, вона хотіла поїхати в Італію, їй не хватало грошей. А деяким друзям взагалі даю. Наприклад, мій знайомий поїхав на схід і треба було децю купити, то я давав” (Олег, 57 л., США).

Что касается частоты таких финансовых передач, то иногда респонденты отмечают, что если семья не имеет настоятельных финансовых потребностей, собирают определенную сумму в течение нескольких месяцев (лет), чтобы потом передать, когда возникнет необходимость, и т.п.: “Як часто я тепер точно не пригадую, але по необхідності, коли вони потребували того” (Андрей, 55 л., США). Проте поширеною є й схема систематичного передан-

ня грошей (наприклад, щомісяця): *“На систематичній [основі]. Це ми передавали... хтось їхав, ми передавали гроші, це було регулярно... І зараз теж, не так регулярно, бо моєї мами вже нема, але в мене добрі відносини з вітчимом, тому я для нього передаю. Чи в когось з друзів день народження. Тобто це вже не так регулярно”* (Ігорь, 56 л., США).

Вместе с тем среди украинских мигрантов распространены не только денежные, но и вещевые передачи: одежда, продукты, бытовая химия, техника через развитую сеть частных транспортных перевозок. Здесь преобладают те продукты, которые респонденты считают либо дефицитными, либо некачественными в Украине: *“Якісь продукти я не раз накувала додому, я купляла: велику олію, маслини — отаке”* (Юлиана, 65 л., Греция); *“Все, що бачу, дивлюся, що може їм сподобатись, підійти, щоб зекономити їм гроші там, тому що ... одяг і хімія тут набагато дешевші”* (Христина, 33 г., США); *“Але я завжди посилала, навіть коштує дорого, мало би смисл дати їм гроші, і хай би там купляли, але їм завжди хочеться щось таке... “лего” дітям, в моєї сестри 5 дітей, вони всі просять [сміх]. Я маю список, що вони хочуть”* (Наталя, 42 г., США); *“Ну, коли я їздив там раз або двічі в рік, то ... родичам або ще комусь ми щось там привозили. Ну, одяг який-небудь або щось таке, такого типу ... наприклад, на Новий Рік, або день народження, раз чи двічі на рік, можливо”* (Олег, 29 л., США).

Что касается способов передачи денег, респонденты отмечают, что кроме того, что сами привозят деньги, они передают деньги/передачи через знакомых/родственников: *“...хтось їхав з наших, хто зі мною працював, було, що дочка до мене приїжджала, то їй передавала”* (Парасковья, 69 л., Польша). Звертаються також до водіїв (-кур'єрів) автобусів: *“Є спеціальні кур'єри, шофера, які нас привозять, відвозять — через них”* (Мария, 50 л., Польша). Кроме того, респонденты используют систему “Вестерн Юнион” или банковские переводы: *“3–4 тисячі, то завжди через банк, воно дешевше. ... А так ... як 200–300 чи 100, то завжди через фірму”* (Мария, 44 г., Греция); *“І перекази також. Ми зробили батькам нашим кредитні картки нашого банку, дали їм карточку і сказали користуватись”* (Христина, 33 г., США). Одним из распространенных путей передачи являются также специальные агентства, которые занимаются перевозками, трудоустройством иммигрантов, денежными/вещевыми передачами и т.п., или “специальные люди/агенты”, которые выполняют подобные функции: *“Через графію [агентство], то воно йде, коли там автобус приїде, там через 3–4 дні, а якщо ... потрібно гроші, то я через ту людину передавала”* (Анастасия, 66 л., Греция). Этот способ более распространен, поскольку дешевле, чем “Вестерн Юнион” и банковские переводы.

Если предыдущие группы практик являются преимущественно последствиями миграционной идентичности, то следующую считаем одновременно базовой для формирования такой идентичности.

Общение с другими мигрантами. Украинские мигранты часто общаются с иммигрантами из других стран, которые проживают в стране их пребывания. Мигранты, с которыми общаются украинцы за границей, делятся на мигрантов из Украины и иммигрантов из других стран. Мы выделяем несколько групп общих интересов / тем общения иммигрантов (приводим в порядке уменьшения значимости): работа/деньги; совместный отдых; личные проблемы разного рода; политика: *“чому ми скитаємось по світі? Чому ми не маємо сильної держави, сильного уряду, президента? ... [про те] що ми*

європейська держава, але ми не в Європі” (Анастасія, 66 л., Греція); “Ну я в політику ... не вникала, там були на виборах, але, наприклад, [коли] оця революція оранжева там була ... Я просто так прийшла, подивилася і пішла” (Марта, 51 г., Італія). В общении сугубо в українском іммігрантському кругу это еще ностальгія по Україні, а также організаційні питання, пов’язані з міграцією: “Діаспора там є. ... Ну, там принаймні наші як приїжджають, то тоже, як кому пощастить, дехто і міг знайти роботу зразу, так як я, а дехто міг бути і без роботи. То йшли по тих церквах, по тих діаспорах” (Марія, 47 л., Італія). В общении с іммігрантами из других стран обнаруживаются рассказы об Україні; сравнение ситуации в Україні и в других странах происхождения іммігрантов; точки сближения іммігрантов из разных стран: “Спільне в нас ... вони такі самі чужі, як і ми тут. Вони з таким самим наміром приїхали, як і я вот” (Марія, 44 г., Греція).

Українці общаються з іммігрантами из других стран, которые работают вместе с ними или по соседству. Кроме того, респонденти отмечали, что знакомятся с ними, например, в общественном транспорте или в других общественных местах: “Маю друзів навіть поляків. Знаю молдованів, тоже тут живуть, общаюся з ними ... Грузинів знаю багато, тоже були. ... Так само вот Іринка [дочка] має колежанку албанку, то їй батьки говорять з нами” (Марія, 44 г., Греція). Круг стран происхождения іммігрантов часто связан с языковым вопросом. Респонденти отмечают, что, как правило, они знают несколько языков, поэтому могут легко контактировать с представителями сообществ иностранцев, которые используют эти языки. Нужно отметить, что основными языками общения с іммігрантами из других стран (кроме языка страны пребывания) являются русский (в пределах так называемых сообществ русскоязычных іммігрантов из разных стран) и английский (в случае интеллектуальной миграции): “Это посещение Російського центра. ... тут, я знаю, свои люди ... Там и украинцы, и русские есть, и евреи даже были, и армяне, и грузины, все, то есть все из Советского Союза которые” (Людмила, 70 л., США). Русский язык респонденты используют в общении с русскоязычными украинцами или с выходцами из бывших республик СССР: “В мене є євреї знайомі, є одна наполовинку арм’янка, наполовину росіянка — я з нею російською спілкуюсь” (Олеся, 46 л., США).

Однако тесный контакт с другими украинцами и иностранцами из других стран в мультикультурных странах объясняется не только мигрантской идентичностью украинцев, что является результатом идентификации себя как мигранта, представителя общемирового или украинского сообщества мигрантов. Распространенность такого вида практик связана также с многоэтническим составом рабочего или учебного коллектива мигранта: “... звичайно, доводиться спілкуватися зі всіма емігрантами. Я не можу сказати, що так часто... найбільша міграція тут в Лос-Анджелесі, особливо з Мексикою. І я найбільше спілкуюся з вихідцями з Мексики, тому що вони в основному вирентують тут землі, в основному вони працюють тут на таких чорних роботах” (Андрей, 55 л., США); “... три немца, потом девочка болгарка, итальянец, голландец, получается, еще одна немка и одна девочка наполовину немка, наполовину украинская... девочка, которая из Болгарии, и итальянец...” (Марина, 33 г., Германия); “І там є не лише цей співробітник з Казахстану, ну і начальник, наприклад, з Австралії. Були ще там з Швеції, здається Норвегії, ну і Мексики” (Олег, 29 л., США). Кроме того, контакты с иностран-

цами происходят в таких же условиях, как и с представителями принимающего общества.

Контакты с другими украинцами также строятся на основе общего рабочего/учебного пространства и владения языком, но кроме того украинцы контактируют с другими украинцами, с которыми были знакомы еще до выезда за границу, а также общаются в рамках УГКЦ и интернет-сообществ украинской направленности, в частности в тех, которые образовались в 2014–2015 годах как реакция на социально-политические потрясения в Украине и военный конфликт с Россией: *“... в мене дуже багато українських контактів, можливо, через революцію. Зараз також ... громадська активність процвітає, і це переважно моє основне поле спілкування”* (Мира, 34 г., Германия).

Членство в мигрантских организациях. Большинство респондентов не входят в официальные иммигрантские организации, поскольку “не имеют времени” или потому что не заинтересованы (дополнительным аргументом служит и краткая продолжительность миграции).

Мигрантскими организациями респонденты также часто называют интернет-сообщества, которые объединяют незнакомых украинцев определенного города, страны или украинцев в мире или мигрантов в целом: *“Я підписана на “інтернейшнс” для експатов ... Експаты — это все иностранцы, которые живут в стране легально — експатриотс”* (Марина, 33 г., Германия); *“Ми організували у фейсбук групу “українці в Гамбурзі”, якщо це можна вважати мігрантською організацією”* (Максим, 30 л., Германия); *“Є така організація в Нью-Йорку ... і ми редагуємо статті, які виходять в інформаційний простір. Тобто ми дивимось, які статті виходять, яка інформація про Україну”* (Галя, 36 л., США); *“Наприклад, там є така онлайн організація “Майдан Сан Дієго”, там приблизно налічується 200 чоловік”* (Олег, 57 л., США).

Но иногда среди респондентов встречаются также представители официальных иммигрантских организаций: *““Журавлиний край”, називалося. ... я з ними спілкувалася і активну участь приймала, ми там вечорниці проводили”* (Нина, 64 г., Греция); *“...це організація — об’єднання українців у Польщі, де я приймаю участь. ... це об’єднання українців, які проживають постійно у Польщі ... ну такі культурні заходи організують”* (Мирослава, 52 г., Польша); *“Наприклад, я створив українську церкву в Юті, якої там взагалі ніколи не було, і я думаю, що це добре, бо люди можуть об’єднатися, а раніше їх неможливо було навіть зібрати там”* (Олег, 57 л., США). Одна из респонденток является председателем украинско-немецкого общества, которое функционирует при Украинской греко-католической церкви в Берлине: *“Це є німецько-українське товариство “Берегиня”. Воно було створене на основі того, щоби підтримати українську школу, яка існувала донедавна при нашій Церкві святого Миколая ... Для того, щоби ми показали тут саме українську культуру і це є вже традиція в нас. ... спільний проект з німецькою громадою, римо-католицькою, яка також у цій церкві служить... Саме це, поєднання двох культур— німецької і української — було замислом цього товариства”* (Светлана, 40 л., Германия).

Укажем, что украинцы в целом рассматривают УГКЦ не только как религиозную организацию, но и как культурную, что весьма распространено среди украинцев в разных странах [Ровенчак, Володько, 2015: с. 222–228;

Иванкова-Стецюк, 2011]. Значительная часть респондентов считают церковную общину полуформальной иммигрантской организацией. На базе организаций такого рода формируются определенные социальные сети иммигрантов, которые влияют на выбор друзей, способ проведения досуга (в своего рода “развлекательных клубах”), а также организуют взаимопомощь в трудоустройстве, поисках жилья и т. п. Украинскую церковь мигранты воспринимают как центр сохранения украинского языка, традиций проведения религиозных праздников, которые респонденты называют этническими украинскими: “У Португалії активно діє наша (греко-католицька) церква, де збираються українці на спільну молитву” (Иван, 52 г., Португалия); “В Штуттгарті як я був, то там була греко-католицька церква... я сам не дуже віруючий, взагалі не віруючий, але ходив туди часами і спілкувався з іммігрантами, тими, що там живуть. Свята разом зустрічали” (Святослав, 41 г., Польша, Германия, Великобритания).

Кроме того, с одной стороны, международная миграция, ведущая к взаимодействию иммигрантов из разных стран в пределах одного социума и образованию миграционного сообщества и миграционной идентичности является достижением глобализации, с другой — достижение технического прогресса в сфере связи интенсифицирует взаимодействие мигрантов с представителями общества эмиграции и семьями мигрантов в Украине, что служит свидетельством локализационных процессов относительно соответствующих практик. Это можно считать проявлением локализации миграционной идентичности и связанных с ней практик.

Взаимосвязь рассматриваемых нами в данной статье ценностей, ценностных ориентаций, установок, идентичностей, действий и практик можно изобразить схематично (см. рис.).

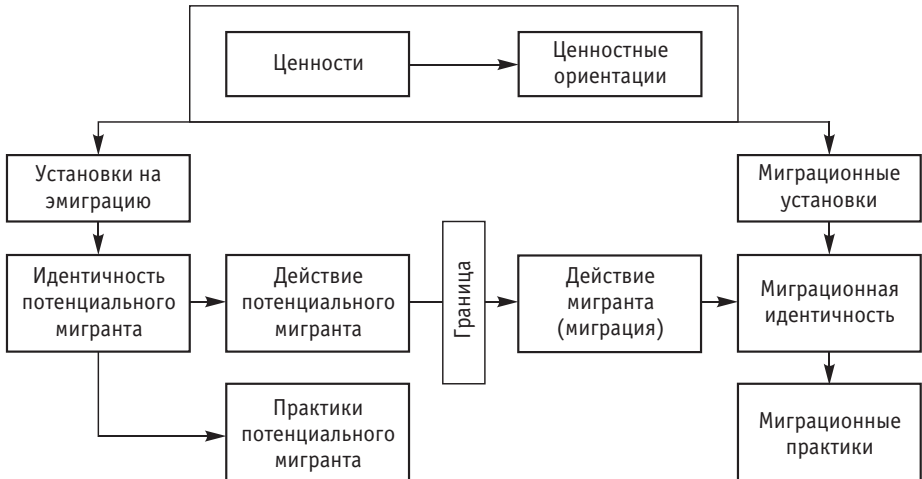

Рис. Формирование идентичности потенциального мигранта и миграционной идентичности и соответствующих им практик

Пребывание за границей (в широком понимании) как определенная ценность связано с ценностными ориентациями, которые являются факторами выталкивания или притягивания, формирующими установки на эмиграцию. Такие установки, на наш взгляд, ведут к появлению идентичности

потенциального мигранта. Эта идентичность подталкивает людей к действиям и практике, связанным с организацией переезда (миграции) и к миграции. Действием, которое делает потенциального мигранта собственно мигрантом, является пересечение административно-территориальной границы (в случае международной миграции речь идет о государственной границе). Миграционная идентичность — это разновидность небазовой составляющей в структуре социокультурной идентичности человека, втянутого в миграционные процессы, и имеет факторами своего формирования такие же ценности и ценностные ориентации, как и в случае идентичности потенциального мигранта. На них же базируются миграционные установки на действия, которые связаны непосредственно с пребыванием за границей и оказываются реализацией определенных миграционных планов. Помимо ценностей, ценностных ориентаций и установок, на формирование миграционной идентичности влияет и само действие — миграция или постоянные практики пересечения границы (в случае повторяющейся миграции). В свою очередь, миграционная идентичность становится почвой для появления соответствующих практик, свойственных именно мигрантам и не популярных среди тех, кто не идентифицирует себя с сообществом мигрантов.

Следовательно, можем говорить о пути, который проходит человек от появления в системе его ценностей тех, что связаны с пребыванием за границей, до воплощения собственно миграционных практик. При этом как идентичность потенциального мигранта, так и миграционная идентичность базируются на ценностях, ценностных ориентациях, установках, а также имеют двустороннюю связь с действиями и практиками, которые, с одной стороны, “раскрывают” такого рода идентичность, а с другой — становятся еще одним основанием для ее появления.

Источники

Бабенко, С. С. (2002). Жизненные стратегии и социальные практики: деятельностный потенциал трансформации постсоветского общества. *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*, 8, 57–63.

Бауман, З. (2005). Идентичность в глобализирующемся мире. В З. Бауман, *Индивидуализированное общество* (с. 176–192). Москва: Логос.

Волков, В. В. (1997). О концепции практик(и) в социальных науках. *Социологические исследования*, 6, 9–23.

Гидденс, Э. (2005). *Устройство общества. Очерк теории структуризации*. Москва: Академический Проект.

Горностай, П. П., Титаренко, Т. М. (ред.), (2001). *Психологія особистості. Словник-довідник*. Київ: Рута.

Громов, И. А., Мацкевич, А. Ю., Семенов, В. А. (1997). *Западная социология*. Санкт-Петербург: Ольга.

Гірц, К. (2001). *Інтерпретація культур. Вибрані есе*. Київ: Дух і літера.

Динаміка міграційних настроїв українців: вересень 2017. Звіт соціологічної групи “Рейтинг” (s.a.). Отримано з: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_work_092017_press.pdf.

Заславская, Т. И., Шабанова, М. А. (2002). Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России. *Социологические исследования*, 6, 3–17.

Іванкова-Стецюк, О. Б. (2011). Інституційні аспекти формування мереж мігрантів: діяльність церкви. Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління. Збірник

наукових праць Донецького державного університету управління. Серія “Соціологія”, XII (211), 143–150.

Колоколова, М. О. (2014). Патерналізм у політичній свідомості українців: характерні прояви та ймовірні причини. *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи*, 1122, 59–66.

Матюхін, Д. А. (2017). Соціальні установки як показники стилю життя сучасної молоді: результати соціологічного опитування. *Габітус*, 3, 13–17.

Носенко, Э. Л., Фролова, Н. В. (1999). Трансформація цінностей орієнтацій молоді на сучасному етапі розвитку суспільства (психологічний аспект). Дніпропетровськ: Навчальна книга.

Отрешко, Н. (2004). Між Сциллою об’єктивізму та Харибдою суб’єктивізму (нотатки на берегах праці П. Бурдьє “Практичний смисл”). *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 190–200.

Ровенчак, О., Володько, В. (2015). *Міжнародна міграція: теорія та практика*. Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка.

Ровенчак, О. А. (2016). Соціокультурні характеристики сучасної української еміграції до Німеччини. *Вісник Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова. Соціологія і політичні науки*, 1 (24), 71–90.

Ровенчак, О. А., Володько, В. В. (2017). Особливості етнокультурної ідентифікації українців у США. *Грані*, 20 (1), 12–20.

Ручка, А. (1976). *Социальные ценности и нормы*. Київ: Наукова думка.

Ручка, А. (1987). Ціннісний підхід в системі соціологічного знання. Київ: Наукова думка.

Ручка, А. (2002). Динаміка ціннісних відданостей населення України: 1991–2000 роки. В: А. О. Ручка (ред.). *Соціокультурні ідентичності та практики* (сс. 181–185). Київ: Інститут соціології НАН України.

Ручка, А. О. (ред.), (2002). *Соціокультурні ідентичності та практики*. Київ: Інститут соціології НАН України.

Семененко, И. (2003). Глобалізація і соціокультурна динаміка: людина, суспільство, культура. *Політичні дослідження*, 1, 5–23.

Сусак, В. (2007). Фактор мови та зміни політичних поглядів: порівняльний аналіз Львова та Донецька (1994–2004 рр.). В: Я. Грицак, А. Портнов, В. Сусак (ред.). *Україна модерна. Спеціальний випуск “Львів – Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні”* (сс. 137–159). Київ: Критика.

Узнадзе, Д. Н. (2014). Основи експериментальної психології: принципиальні основи і психологія оцінювання. Т. 1. (Глави з книги). В: Д. Н. Узнадзе, *Філософія, психологія, педагогіка. Наука о психической жизни*. Москва: Смысл.

Фурс, В. Н. (2001). “Критическая теория позднего модерна” Энтони Гидденса. *Социологический журнал*, 1, 44–73.

Химович, О. С. (2013). Соціальний портрет українських жінок — трудових мігранток крізь призму їхніх спогадів. *Вісник Львівського університету. Серія соціологічна*, 7, 213–224.

Химович, О. С. (2014). Оцінка рівня етносоціальної дистанційованості серед населення Львівщини. *Нова парадигма. Філософія, Політологія, Соціологія*, 123, 205–217.

Черниш, Н., Ровенчак, О. (2007). Варіації на тему ідентичності для соціокультурного оркестру. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 1, 33–48.

Шихирев, П. Н. (2003). Соціальна установка. В. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая (ред.). *Социальная психология. Учебное пособие для студентов вузов* (сс. 364–376). Москва: Аспект Пресс.

Hall, S. (1996). Introduction: Who Needs “Identity”? In: S. Hall, P. du Gay (ed.). *Questions of Cultural Identity* (pp. 1–17). London: SAGE Publications.

Huntington, S. P. (2004). *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon and Schuster.

Lifton, R. J. (1999). *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation*. Chicago: University of Chicago Press.

Sackmann, R. (2003). Introduction: Collective Identities and Social Integration. In: R. Sackmann, B. Peters, T. Faist (ed.). *Identity and Integration: Migrants in Western Europe* (pp. 1–12). Aldershot, UK: Ashgate.

Thompson, P. (1994). Between Identities. In R. Benmayor, A. Skotnes (ed.). *Migration and Identity* (pp. 183–199). New York: Oxford University Press.

Матеріал отримано 04.02.2018

References

Babenko, S. S. (2002). Life Strategies and Social Practices: The Potential for Post-Soviet Societies' Transformation. [In Russian]. *Methodology, Theory and Practice of Sociological Analysis of the Present-Day Society*, 8, 57–63. [= Бабенко 2002]

Bauman, Z. (2005). Identity in the Globalising World. [In Russian]. In Z. Bauman, *The Individualised Society* (pp. 176–192). Moscow: Logos. [= Бауман 2005]

Chernysh, N., Rovenchak, O. (2007). Variations on the Theme of Identity for a Socio-cultural Orchestra. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 1, 33–48. [= Черниш 2007]

Furs, V. N. (2001). Anthony Giddens' "Critical Theory of Late Modernity". [In Russian]. *Sociological Journal*, 1, 44–73. [= Фурс 2001]

Geertz, C. (2001). *The Interpretation of Cultures. Collected Essays*. [In Ukrainian]. Kyiv: Dukh i Litera (Spirit and Letter). [= Гірц 2001]

Giddens, A. (2005). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. [In Russian]. Moscow: Academic Project. [= Гидденс 2005]

Gromov, I. A., Matskevich, A. Yu., Semenov, V. A. (1997). *Western Sociology*. [In Russian]. Saint Petersburg: Olga Press. [= Громов 1997]

Hall, S. (1996). Introduction: Who Needs "Identity"? In S. Hall, P. du Gay (ed.). *Questions of Cultural Identity* (pp. 1–17). London: SAGE Publications.

Hornostai, P. P., Tytarenko, T. M. (Ed.), (2001). *A Dictionary of Personality Psychology*. [In Ukrainian]. Kyiv: Ruta. [= Горностаї 2001]

Huntington, S. P. (2004). *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon and Schuster.

Ivankova-Stetsiuk, O. B. (2011). Institutional Aspects of Building Migrant Networks: The Role of the Church. [In Ukrainian]. Current Social Issues with Regard to Sociology of Management. *Sociological Bulletin of Donets'k State University of Management*, XII (211), 143–150. [= Іванкова-Стецюк 2011]

Kolokolova, M. O. (2014). Paternalism as Part of Ukrainians' Political Consciousness: Typical Manifestations and Likely Causes. [In Ukrainian]. *Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Sociological Research of the Present-Day Society: Methodology, Theory, Methods*, 1122, 59–66. [= Колоколова 2014]

Khymovych, O. S. (2013). A Social Portrait of Ukrainian Female Migrant Workers Through the Prism of Their Memories. [In Ukrainian]. *Sociological Bulletin of L'viv University*, 7, 213–224. [= Химович 2013]

Khymovych, O. S. (2014). Measuring Ethno-Social Distance: The Case of L'viv Region Residents. [In Ukrainian]. *The New Paradigm. Philosophy, Political Science, Sociology*, 123, 205–217. [= Химович 2014]

Lifton, R. J. (1999). *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation*. Chicago: University of Chicago Press.

Matiukhin, D. A. (2017). Social Attitudes of Today's Youth as Their Lifestyle Indicators: The Findings of a Social Survey. [In Ukrainian]. *Habitus*, 3, 13–17. [= Матюхін 2017]

Nosenko, E. L., Frolova, N. V. (1999). *Transformation of Youth Value Orientations at the Current Stage of Society's Development (Psychological Aspects)*. [In Russian]. Dnipropetrovsk: Navchal'na knyha (Education Book Press). [= Носенко 1999]

Otrushko, N. (2004). Between the Scylla of Objectivism and the Charybdis of Subjectivism (Notes in the Margins of P. Bourdieu's "Le sens pratique"). [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 3, 190–200. [= Отрешко 2004]

Rovenchak, O., Volod'ko, V. (2015). *International Migration: Theory and Practice*. [In Ukrainian]. L'viv: Ivan Franko National University of L'viv. [= Ровенчак 2015]

Rovenchak, O. A. (2016). Sociocultural Characteristics of Modern-Day Ukrainian Immigration to Germany. [In Ukrainian]. *Bulletin of I. I. Mechnikov Odessa National University. Sociology and Political Sciences*, 1 (24), 71–90. [= Ровенчак 2016]

Rovenchak, O. A., Volod'ko, V. V. (2017). Ethno-Cultural Identification of Ukrainians in the USA: Distinctive Features. [In Ukrainian]. *Facets*, 20 (1), 12–20. [= Ровенчак 2017]

Ruchka, A. (1976). *Social Values and Norms*. [In Russian]. Kyiv: Naukova dumka (Scientific Thought). [= Ручка 1976]

Ruchka, A. (1987). *A Value-Based Approach in the System of Sociological Knowledge*. [In Russian]. Kyiv: Naukova dumka (Scientific Thought). [= Ручка 1987]

Ruchka, A. (2002). The Dynamics of Ukrainians' Value-Commitments During 1991–2000. [In Ukrainian]. In A. O. Ruchka (Ed.), *Sociocultural Identities and Practices* (pp. 181–185). Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Ручка 2002]

Ruchka, A. O. (ed.), (2002). *Sociocultural Identities and Practices*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. [= Ручка 2002]

Sackmann, R. (2003). Introduction: Collective Identities and Social Integration. In R. Sackmann, B. Peters, T. Faist (ed.). *Identity and Integration: Migrants in Western Europe* (pp. 1–12). Aldershot, UK: Ashgate.

Semenenko, I. (2003). Globalisation and Sociocultural Dynamics: Individual, Society, Culture. [In Russian]. *Political Studies*, 1, 5–23. [= Семененко 2003]

Shikhirev, P.N. (2003). Social Attitude. [In Russian]. In: Ye.P. Belinskaia, O.A. Tikhomandritskaia (Ed.), *Social Psychology. A Textbook for University Students* (pp. 364–376). Moscow: Aspect Press. [= Шихирев 2003]

Susak, V. (2007). The Language Factor and Change in Political Postures: A Comparative Study of L'viv and Donetsk (1994–2004). [In Ukrainian]. In: Ya. Hrytsak, A. Portnov, V. Susak (ed.). *Ukraina Moderna. The Special Issue "L'viv – Donetsk: Social Identities in Today's Ukraine"* (pp. 137–159). Kyiv: Krytyka (Critique). [= Сусак 2007]

The Dynamics of Ukrainians' Attitudes Towards Migration: September 2017. Rating Group Ukraine's Report (s.a.). [In Ukrainian]. Retrieved from: http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_work_092017_press.pdf. [= Динаміка s.a.]

Thompson, P. (1994). Between Identities. In R. Benmayor, A. Skotnes (ed.). *Migration and Identity* (pp. 183–199). New York: Oxford University Press.

Uznadze, D. N. (2014). The Essentials of Experimental Psychology: Basic Principles and Psychology of the Senses. Vol. 1. (Chapters from the Book). [In Russian]. In: D. N. Uznadze, *Philosophy, Psychology, Pedagogy. A Science of Psychic Life*. Moscow: Smysl (Sense). [= Узнадзе 2014]

Volkov, V. V. (1997). On the Concept of Practice(s) in Social Sciences. [In Russian]. *Sociological Studies*, 6, 9–23. [= Волков 1997]

Zaslavskaja, T. I., Shabanova, M. A. (2002). Unfair Labour Practices and Social Transformations in Russia. [In Russian]. *Sociological Studies*, 6, 3–17. [= Заславская 2002]

Received 18.04.2018